

Расшифровка интервью

Дата: 22.11.2022

00:00:15

А можно я начну с бабушек? Ну, вот первое. Откуда мы появились в Далматово? Далматово старше Свердловска. Инок Далмат появился где-то в 1700-м, даже раньше, году, построил келью, и вокруг него группировались православные люди. Были набегии каких-то малых народов. Постепенно образовывалась группа православных поселений рядом. Откуда, я вам покажу, вот Далматовский монастырь. Это он сейчас, или он был когда-то еще раньше, красавец. В Далматовском монастыре сохранился архив. Я там нашел фамилии всех своих дедов, нашел фамилию и по отцу — Кочева. Кочев — это болгарская фамилия. Откуда она появилась? И еще есть фамилия Кочева, она азиатская какая-то. Примерно там [звучит как] Кочев. А Кочев — четко — это болгарская фамилия. Из Далматова где-то в 1720 году отправилась делегация христиан на запад. Они дошли до Болгарии, молились там. Видимо, еще и в Киеве побывали и так далее. Когда они возвращались, к ним пристали два мальчика, малышки. История этой семьи такая. Отец там погиб, там были стычки, там был геноцид турецкий. Отец погиб, а мать с двумя детьми отправилась, куда сама не знает. По дороге мать умерла, а эти два мальчика прибились к этой православной делегации из Далматова. Они пешком прошли всю дорогу до Далматова. Потом эти Кочевы занимали какие-то должности в селе. Там в селе было управление, и все они подчинялись Далматовскому монастырю. Затем эти два брата построили в селе Затеча — через две реки, Исеть и Теча, — они их перешли и там построили дом. Потом отсюда и пошли Кочевы. Там в селе Затеча много Кочевых, все родственники. Я помню еще старый дом, ста-а-рый, старой постройки, грубого, с маленькими оконцами. Может быть, они построили, может быть, и следующие предки. А следующий дом построили Кочевы. Хороший дом, деревянный, естественно. Там было три семьи. Дед, Кочев Василий Васильевич, и его дети, сыновья. Они все жили в одном доме. Дед был похож, никто не понимал, откуда он. Когда я попал в архив, я раскопал. Там еще были грамотные люди, они мне рассказали, откуда Кочевы. Он нес генетику то ли от болгар, то ли от турок. Они мешались, геноцид был. Он похож был на турка, с таким носом нерусским. Мы немножко курносые же все, а тут наоборот было. Черный. По характеру добрый, крепкого сложения. Выше всех был, на полголовы всех был выше. Крепкое сложение. Отец когда женился, дед маленькую женщину взял, Домону, Доминику, ну вот как игрушку, что ли, взял. Кстати, у меня жена тоже была маленькая, я ее тоже куколкой звал, носил на плечах. Ну вот почему-то... У меня всякие женщины были, и большие, и такие. Выбрал маленькую, но со всеми прелестями и так далее. И дед также выбрал маленькую. Это хорошо, но потом дети-то пошли не в деда. Правда, рост деда потом взяли уже внуки. А вот дети. Отец был крепкого сложения, медвежьей силы был, но ростом в бабу Доминику пошел. Я не понял, в кого я пошел. У нас война была, так там ладно хоть так вырос. Семья была счастливая, потому что всё держалось характером деда. У него был бодрый игривый характер, у деда. Вот праздник, как он назывался, воды, что ли. Там парни ловили девок, тащили их, речка рядом, и бросали туда, они хохотали. Девки убежали. Причем одеты были легко, могли бы одеться, что ее бросать будут, нет, они легко были одеты. Вот такие игрища были, и дед участвовал в этом. Девки бегут, он: «Айдати, айдати сюда». Вот сюда — и в комнату. Они только устроились, он парням: «Айдати, вот они». Ох опять визгу! Жили в деревне вот так вот весело.

00:08:45

Я родился фактически в доме Кочева, но это совпало с раскулачиванием. Мать вот-вот должна была родить, сидела с животом, в это время было раскулачивание. Сестра моя на три года меня постарше. Мать сидела с животом в доме. Кстати, мужики все, отец, сам дед, брат, все ушли из дома, потому что права у тех, кто раскулачивал, были крутые, они могли и пристрелить на месте, если кто-то начинает драться. Они ушли из дома. Всё из дома выволакивали. А сестренка маленькая, увидев: «Это мамино!» Брала кофточку и тащила к маме. У них хватило совести не отбирать, и так у мамы собралось, чего надеть. Это я вырвал картинку из 1930-го уже года. Они ушли, мужчины, от соблазна, чтобы ответить, защититься. Они понимали, что тут будет война и так далее. Они ушли. И всё это тихо прошло, вывоз, раскулачивание. Там фактически жило три семьи: семья Егора, семья Ивана, сам дед и сестра была. Три семьи. Дом они построили своими руками, дом был хороший, крепкий, руки, видимо, были у людей. Было, я там заходил, три комнаты было: прихожая и две комнаты еще. Пристроили. Каждая семья имела комнатку. У каждой семьи была корова своя, была лошадь. И у деда была лошадь и корова, у всех. А в сумме уже — ого, кулаки, три коровы. А там семья с детьми, это как раз у каждой семьи была, не лишку, это самая необходимая собственность. Но жили в одном доме. Жили дружно. Это надо отдать должное характеру. Кстати, характер передался моему отцу. Немножко, может быть, мне, я хвастать не буду. Я себя ругаю иногда, что я не злой, а шибко

добрый, хотя надо где-то крепко встать и так далее. Я еще расскажу о... 1917 год. Колчак воевал здесь, в Далматово. В Далматово были бои. Мне брат двоюродный еще принес наган, он уже был поржавевший, без нагана, выкопали. Кому он принадлежал, белым или красным, это была стычка белых с красными. Был выбор у отца. Отцу было... 1901 год. В 1918-м году белые победили, то есть они заняли это село Затеча и Далматово. Мать вспоминает, что была перестрелка, когда белые, бабушка их прятала в голбце. У отца был выбор: остаться с белыми или уйти с красными. Так вот деревня приняла красных, а белых-то, интеллиго, там «неработь», интеллиго-то. Они как-то в то же время, может быть, немножко уважали, но это была «неработь», по их убеждениям. Настоящий мужик — это который работает. Они же с красными, а красные — это те, которые были мужики. Отец ушел в 17 лет с красными. Там, видимо, он... Это почти добровольное, не знаю, во сколько лет там Троцкий. Это был жесткий руководитель Троцкий. Вернусь к старому, у него было, там было отступление наших красных войск, у него был приказ каждого десятого расстрелять. Выполнен приказ или нет, неизвестно, но вот такое пугло у него было — расстрел каждого десятого. Может быть, это было пугло, пугло, наверное. Короче, отец выбрал красных, ушел с красными.

00:15:33

Как дед реагировал на это всё? И каких взглядов был дед?

А?

00:15:37

Как дед реагировал на уход отца вашего? И каких взглядов был дед?

Нет, они отлично, все они едины были. Там спора в семье не было. Там даже я не слышал, чтобы были споры. То есть деревня в основном приняла красных. Вот такое вот. Это даже и по... Тем более по материнной родне. Короче говоря, отец ушел с красными. С 1918 года он провоевал до 1922 года. У него всё там было, и конь, и шашка. Он крестьянин, с конем умел обращаться. У него было, когда коня то ли подстрелили, то ли конь упал, а он упал, и благодаря сильной мускулатуре он не расшибся, а вот руками мне показывал, как падать. Такое было. Дальше у отца было. Значит, наша Красная армия где-то в центре попала в плен, 20 тысяч. Есть такое в истории, я нашел в истории. В том числе отец попал в плен. Казаки. Там в окружении, чуть отошел — шашкой, и всё, там разговор простой. Командиров, краскомов и комиссаров — без разговора, к стенке. Какая там, к стенке, расстрел. А красных — хошь, переходил за белых. Опять был выбор у отца. Они три человека рискнули, хотя там если бы малейший повод, казаки бы зарубили. Рискнули, убежали. Сбежали. Сбегали так. Там, значит, рожь была. Вот они во ржи, значит, проползли где-то. Преграда. Потом вот такой эпизод. Значит, надо было дальше убежать, они бричку крестьянскую остановили. Ну, отец обладал, сила у него, никакого спорта там не было, а вот были мышцы. Причем крестьянин-то увидел, что их могут задержать, и погнался. Отец, значит, коня остановил и этому крестьянину-то: «Гони к красным, а то задавим». Вот так вот. Погнался крестьянин к красным, убегая. Они доскакали до красных. Красные, значит, эти ребята начали его обнимать, этого крестьянина. Тот: «Ой, то убить хотели, то, значит...» Вот такие я эпизоды из коротких рассказов слышал. Отец пришел с товарищем после фронта. Я в Далматово в 1937-м году, мы уже, когда он отсидел, мы побывали у этого товарища. Ну, вот такая картина: фруктовый сад — в Далматово фруктовый сад был хороший — и сторож, его товарищ. Чего-то вот рука у него. Ну, в общем, видимо... А крестьянин инвалид — это всё. Поэтому он и жил тут в сторожке. Ну, с отцом они встречались и короткие эпизоды рассказывали. Вот такой эпизод он рассказал. А стояли в обороне красные. Белые. А кто белые? Это казаки. Это страшная сила, казаки. Они, во-первых, на конях. Красные были в обороне, в окопах и так далее. Были необстрелянные. И вот отец тут. Вот что-то, значит, я понял, это был вот такой шутиливый и бесстрашный человек. Значит, они там прохаживались, там вот в этой обороне одному только побежать — и все ринутся бежать. Это самое страшное было, чтобы кто-то не побежал. И вот отец ходил по этим вот, по всей обороне. Хотя кто он был там, не знаю, может быть, командовал каким-то отделением, может быть, так вот. И подбадривал. Как подбадривал? «Держись, робя! Мужики на подходе!» А что это такое, «держись, робя»? Да это драки стенка на стенку в деревне. Отец участвовал в этом, стенка на стенку. Там как? Там свои были правила, как бокс. Там нельзя бить до смерти, нельзя лежачего бить. Вот там свои были правила. Но хорошо мог вдарить. Всё отойдет, боль надо терпеть, вот такой вот деревенский был закон. То есть вот он подбадривал бегал. Ну и товарищ-то с ним, да. Короче говоря, белых, белые стали наступать, и эти вот красные выбили их, ну там коней и так далее. В общем, как казаки? Они коня жалкуют больше, чем свою жизнь, ну и отступились от таких красных, упрямых, сдались. Второй эпизод я, значит, понял. Отец скупко рассказывал, но с шуткой всегда рассказывал. Значит, вот этот Крым, как его взяли красные? Там Перекоп был. Он еще был устроен, этот Перекоп, как-то, его не взять было, через Перекоп. И были озера Сиваши, да, болотистые. Так вот, я из других источников всё это прочитал. Значит, как взяли? А взяли через Сиваши. Так вот, отец-то шуткой рассказывал. Значит, он получил награду — сапоги. Вот фотография тут, я покажу, да, награду. Вот видите, в сапогах. А ведь

красноармейцы, думаете, в сапогах ходили? Это краскомы, может быть, ходили в сапогах, а красноармейцы вплоть до лаптей ходили. И такое было. Одеть нечего. Там в боях кому надо, в чем ты одет? В сапогах вот он, фотография-то. Вот еще раз покажу. Вот, пожалуйста. Вот он, среди... Получил сапоги. А приказ, видимо, пройти по Сивашам с проводником местным, застолбить, чтоб потом Красная армия прошла по Сивашам, не Перекоп чтобы брала, через Перекоп, а по Сивашам. Отец, чтобы не портить сапоги, он рассказывал бы, что «я герой, прошел» и так далее, как-то потом мы читали, нет, он говорит, сшил, он мастер на все руки был, сшил себе из подсумка кожи такие чуни. И по болоту они прошли. А сапожки в рюкзачке новенькие. Не испортил. И второе. Их обстреляли. И это я тоже [знаю] уже по истории. Там есть этот факт по истории. Обстреляли. Но белые-то поняли, что им не удержать Перекоп, обойдут красные и по Сивашам они в любом месте возьмут. Белые сами ушли.

00:26:01

А давайте подберемся уже к теме коллективизации. Что было за настроение в селе?

Я еще... Позвольте, я сейчас еще про мамину родню. Мамина родня, она Усольцева, это тоже старинные жители села. Я их фамилию нашел в архиве Далматовского монастыря. Они были мастеровые, там значились как мастеровые, не духовные, а мастеровые. И действительно это были мастеровые, на все руки мастера. Вот про бабу Марфу можно сказать. Сейчас я быстро найду. Так, так, так, так. Бабушка. Где-то, так, так, так. Вот про бабу Марфу. Вот смотрите, бабушка, как она одета, крестьянка. Трое детей уже. Вот Александр, который враг народа будет. Моя мама Нюрка, Анна. И Шурка, сестра.

00:27:56

А разверните побольше.

Вот так вот. Вот смотрите, как они одеты. Крестьяне. Я сейчас смотрю, крестьяне, в таком дерьме показывают. Вот крестьяне. Они своим трудом жили. Дом построили, помочь приглашали родню, помощь. И это не было там куда-то нанимать, сам строй. На все руки мастера, сам. Дом у них. Я заходил, значит, две комнаты и одна спальня. И одна комната — печь. Вот всё. Это построен дом. Ну пряник, дом-пряник, сами построили. Семья большая была, детей много. Все умещались. Потом расскажу. Вот, пожалуйста, эта фотография — 1914–1915 год. Вот отец. Вот дед Василий, вот он, в центре. Призван в армию, вот в армии как одевали, в царской армии. Он на запад, на фронт не попал. Он на Дальний Восток попал. И вот баба Маша с детьми осталась, крестьянка, одна. И вот она как одета? Как? Я помню, как мы в войну жили без отца, как мы одевались. Как они? Я ничего не понимаю. Как? А вот так вот. Дружная семья была, родня, они помогали друг другу. Вот она одна осталась. Она как с такой семьей? Там и пахать надо. Землю не бросала. Помощь была, помогали. Вот какая была деревня. Я сразу тогда расскажу, как вот этот дед мой, он уважаемый человек был, потом война кончилась, штык в землю — долой войну, и он с Дальнего Востока приехал. Бросил там всё. Ну, красные победили. Он там не воевал, он в годах уже был, ему за 40 было, это уже много считалось. Ну, уже стариком считали. То есть он бросил, как все, то есть армию, которая стала белой, он бросил и поехал домой, и крестьянствовал. Красные приходили, белые — он крестьянствовал, всё, он отслужил свое. Пользовался большим уважением в селе. Его выбрали в сельсовет. Семья жила своим трудом, но это настолько была, я помню, чистоплотная семья. Всё было чистенько. У них там не было, как в крестьянских семьях, тараканы, выживали зимой их, открывая все окна, двери, выживали. У них не было никогда, чистота была. Изба небольшая. Жили своим трудом в достатке. Выбрали его председателем сельсовета. Началась коллективизация. Кто попал в этот совет, в коллективизацию? Это «неработь». Вот как мать говорит, неработь. Там у Кочевых бабушку, тоже вспоминает мне Кочева, моя... Родственники наши. Кто попал в коллективизацию? Кто управлял коллективизацией? А вот неработь. Говорит, на всех пальцах кольца. Вот так вот они раскулачивали. Вот себе, у него всё, там всё добро они в колхоз, скотину в колхоз, а это они... Вот такая вот неработь. Они тут в партию быстро вступали. Это вот последние подонки вступили, захватили вот эту власть, которые раскулачивали. Причем они безжалостно это делали, вот кто раскулачивал. Это не коммунисты настоящие, нет, там настоящих коммунистов не было. Настоящие коммунисты таким не занимались, которые воевали за советскую власть.

00:33:29

Скажите, а кто-то из сельчан верил вообще в коллективизацию, в колхозы?

Да. Деда выбрали. Он уже был в этом сельском совете, он уже управлял. И вот рядом-то настало раскулачивание, и дед-то вот тут и начал права свои качать, что это не так-то, это справедливо, не надо вот так, надо — и так далее. Всё. Совет-то вот этот, они там нагрябят, то есть раскулачат, пьют. Ну а потом появился вот этот Усольцев, который свои права качает, «да не надо, да вот», и так жалостливо, и так далее. Как кончилось? Значит, какой метод был? В

окошко постучал парнишка. А он был у этих в совете, ну, прибился туда в совет, пользовался, а его использовали. Значит, мальчишка постучал в окно и говорит: «Ой, вас завтра раскулачат по первой категории». А по первой категории — это вплоть до расстрела главу семьи. Дед-то знал, что они не шутят. Они действительно могли составить любое дело, что он враг и так далее. Он действительно был против, ну, не коллективизации, можно по-другому коллективизацию сделать, а он против этой шпаны был. Хотя они были члены партии. Они быстро перестроились. Собрали они манатки. В чем дело. И угнали. На лошади — и угнали. Убежали.

00:36:08

Скажите, а к этому моменту, когда постучали, что за хозяйство было у деда? Как они жили?

К этому моменту у них было хозяйство, и их еще не раскулачили, как тех. Конечно, у них было хозяйство, они землей пользовались, они хорошо обрабатывали землю. Там работников ни у кого не было, потому что на Урале, если у тебя есть руки, приходи. У нас же не было этих собственников дворянских и так далее, наследственных. Там же все крестьяне. Бери землю и трудись. Там все трудяги были, и кто бедный — это не работать. А у кого руки, здоровье, он справный, как они говорили, справный мужик, справный крестьянин. Он и в достатке. Вот дед, например.

00:37:15

А в окружении деда и во времена деда, кого кулаком вообще считали и называли?

Кулаком считали? Вот деда посчитали кулаком. Потому что, смотри-ка ты: в трех семьях три коровы, три лошади. А там три семьи было. У каждого крестьянина, и у каждого комната была. Всего лишь. На наше время разве это кулаки? У Усольцевых тоже была лошадь, пахать. Я не знаю, сын подрастал если, тоже ему уже выделяли лошадь, чтобы он тоже мужиком был. То есть не просто у него было коров и так далее, корова была там столько, сколько надо было молока. Больше одной коровы, зачем она? Одна корова. Раскулачивали тех, кто в колхоз — а зачем им в колхоз-то? — не хотел пойти. И это Сталин знал, что колхоз не построишь добровольно, потому что колхозы еще в 1928 году пытались построить, как они назывались, я не знаю, товарищество или как-то. Я вот слышал, это еще было из родни Тамариной, там не шибко, не было таких справных мужиков, то ли отца не было, то ли болел, они бедные были. У Тамариной бабушки, значит, сын ушел куда-то на заработки и в коммуну вступил. В коммуне было примерно как колхоз. Туда все эти, которые неудачники, собрались и построили коммуну. Там всё было общее. Это уже было в 1928 году. В результате он прибежал обратно еле живой, голодный. Эта коммуна себя сожрала, что у них было, они себя. То есть это не способные были люди к труду. Это была [нрзб]. Сталин об этом знал. И как построить крестьянина? Я вспоминаю, в наши дни выступал израильский комментатор, из Израиля, Яков. Как его фамилия, я не знаю, но вы знаете, он хорошо говорит. Он как к коллективизации отнесся? Меня аж перевернуло. «А как их заставить работать?» Это вот про кулаков-то. Такое отношение к этим кулакам презрительное. А это самые люди, я не понимаю, самые люди-трудяги. Вот их-то и раскулачивали. Сталин знал об этом, что добровольно будет коммуна и всё развалится. Я перейду к НЭПу, к Ленину. НЭП — что это было? А это было вот такое вот хозяйство, полусоветское, полукапиталистическое. То есть крестьянин жил свободно. Он мог трудиться и продавать свое хозяйство, он мог, не знаю, нанимать рабочего, работника. Ну, мог. НЭП, Ленин при помощи НЭПа ушел от разрухи, то есть мы восстановили хозяйство при помощи НЭПа. А когда пришел к власти Сталин, он увеличил налоги этим проклятым нэповцам, которые жили, значит, плохо. Этими налогами он их задушил фактически. Крестьяне стали, значит, остались крестьяне, но без НЭПа и так далее, под контролем, ну слава Богу, ну и работали бы крестьяне. Вот возьмите семьи Усольцевых, Кочевых — они и налоги платили, они и всё, и государству, и государству было хорошо. Но что тут — неграмотность, это ведь, я не знаю, как это, недостаток ума, что ли, или злость. Сталин чем их уничтожил, деревню — увеличил налоги. И фактически работать стало невыгодно. И уже с 1928 года, значит, начинает[ся] в городах карточная система, и в деревне там голод уже был. То есть налогами задушил. То есть неумелое пользование налогами. Вот сейчас Мишустин как, до чего умен, он так экономику сделал, налоги, да, всё — и собственники капиталисты, и все-все довольны. Умелое руководство налогами. Сталин, вот как он до революции, чем он занимался? Он поставлял партии, значит, он же грабежом занимался, поставлял партии средства. Ну, молодец, что же, умел это делать. Причем не своими руками, а организовал умело. Ну, а вот с крестьянами-то, тут нужен был ум. Его не оказалось. Он их задушил. Голод. А что делать? А вот что делать? Колхозы. А как их, колхозы, построить? Коммуны, коммуны уже показали себя. Они всё, что им дали, какие средства, они всё сожрали и перебежали обратно. Нет, коммуны не получится. Крестьянство. Когда справногo мужика, справный мужик не согласится в колхоз идти, поэтому уже до раскулачивания была составлена программа. Он уже знал, что это будут противники, поэтому придумано было раскулачивание. Хозяйство

передать в колхозы, шмотки передать неработы. Неработь с удовольствием их трепало, причем из зависти. Раскулачивание с блеском прошло. И жестоко. И потом, как это сделать? Литературу я сейчас смотрю, там кулак — это такая сволочь, такой он мироед, он всё забирает. Это такая сволочь, вот вдруг. Я думаю: да мы же кулаки. Бабулю вспоминаю, бабушка, значит. Как они в Первую мировую войну выжили? Без голода выжили? То есть было товарищество в деревне-то. И потом смотрю эти фильмы. Сволочи такие. И вот с этим вот пятном я прожил всю жизнь. Вот эту черную метку я пронес.

00:46:27

Ну, отец по характеру был, во-первых, задорный, шутник. Я его не видел в унынии. А в детстве, когда он рос, пацаном, как там называли, значит, вот такие вот шутки были. Егор, его младший брат, повадился зорить гнезда. Его щували, а он опять зорит зерно, то есть гнездо. Зачем? В доме всё есть, достаток тут. И отец как его отучил. Тоже чуть постарше его был. Значит, он запрятался, дощечку приготовил, и там, где Егоранка проходил, а в шапке у него яички наложены, он ему бах, дощечкой-то. И тот весь потек вот этими вот яйцами-то, больше не стал. И еще чего чудил в молодости. Значит, на вечерках эти вот, молодежь-то, но они старше были отца-то, ходили там вечером-то, пели да плясали, частушки-то. А потом-то уже темно, страшно, там кладбище рядом. Надо через кладбище-то как-то пройти. Отец-то, значит, — не знаю, не один, наверное, брат, наверное, участвовал, — одевал всё белое, простынь или чего, делал белое всё — и выскакивал, значит, руки кверху. Те: «Ой, ой, или святой, или дьявол». И вот визг, и страх, и вот так вот пужал их всех. Потом, когда уже увидели, что это Иванка, ох тут его, значит, «вот ты такой-сякой». Иванка это учудивал. Еще чего чудил. Значит, зимой, когда уже отпашутся мужики, молодежь-то на вечерки ходит, поют да пляшут. А мужики-то что делают? А собираются, как бабы. Где собираться-то? А в бане. Там вот оконцы, значит, коптилка, и в карты на пятачок. А вот интересно, вот на пятачок, а вот резались. Ой-ой. Хозяйка прибегает, его, значит, зовет, [он ей]: «Да иди, моя карта пошла, масть моя пошла, уйди». Дозваться не могли мужика в постель. А отец, значит, парнишки, что они делали? Они прибегали, окно, значит, тихонько выставляли. И те сидят, не знают и уже трясутся от холода, мороз. Потом: «О, окошко выставил этот Иванка. Ух ты!» Значит, вот так. Дед был огромного роста, телосложения. Значит, масть у него была. Говорили, что он какой-то, хотя родился тут от русской женщины, значит, он полностью был то ли грек, то ли, в общем, цыган, наверное, или что-то, в общем. И баба Домна — куколка такая, хорошенькая. Скупящая. Скупая. Значит, как только яичко снесет курочка, она раз-раз — и в Далматово на базар, [нрзб], деньги. Зачем? Дед-то тоже занимался торговлей, но он по-умному: когда ярмарка, он — одному-то ехать страшно, тут могут и ограбить по дороге-то, ярмарки-то ведь далеко где-то, чуть ли не до Сибири надо было — вот он организовывал всю деревню. И за ним такой шлейф шел. Вот ему при раскулачивании это вспомнили, что он организовывал вот... А плохо разве? Организовывал на ярмарку, значит, все выезжали на ярмарку. Но он, если покупал, он умел купить и продать свой товар. Не работников, ни у кого работников не было. Если он покупал, то головку сахара. Если он покупал, то уже как-то не по кусочку, а вот — и всё это дешевле получалось. И в результате, значит, они жили не бедно. Но главное, они по характеру были... Ну, веселый народ был. Во-первых, это было сильное и здоровое, поколение было сильное и здоровое. Они в радость работали, с хохмой даже работали. Всё время хохмили. Вот как, типа вот как он дощечкой с этим... Они не работали, а играли. Вот какая жизнь была. Когда мама пришла в их семью, у них отец-то был строгий, которого я показывал фотографию. Он прошел войну, не войну, а армию, а вот курочку зарубить, голову отрубить у него не хватало духу. Значит, баба Марфа его пошлет — давай курицу. А сама воду уже [поставила]: «У меня уже котелок кипит там, на печи-то!» А он ходит, значит, думает, как ее. Она — хватъ — бах, ее расщипала, бум — бросила, всё, сварила. А дед шибко строгий был, а вот душа-то вот такая мягкая была.

00:53:57

А семья отца каких взглядов политических была?

Как?

00:53:59

Каких взглядов вообще политических была? В этот же момент в стране происходили серьезные события. Они как-то отражались на жизни семьи? Политические, исторические все эти события.

Что я заметил, вот у них не было ненависти. Я ничего не понимаю. Вот деда, помню, уж вас раскулачили, вас сослали, у вас всё отобрали, у отца — не было злости. А как я понимаю: а это мудрость. Как бы на Сталина надо было обозлиться. Не было злости. Дурак что ли? Нет. Он мудрый был. Вот он где-то в подсознании знал, что это пройдет, что это временно вот такое. Что будет всё хорошо. И главное-то — это вот труд. Вот действительно все эти раскулаченные,

вот у нас тут они собирались на пьянки 1 мая, они с удовольствием праздновали все советские праздники, они с удовольствием праздновали. С песнями. Собирались у нас в бараке. Сейчас вот расскажу. Во, с гармошкой. Вот они все, все раскулаченные собирались. Причем тут партийный, с отцом работал, партийный, член партии, друзья были. Друзья, причем настоящие друзья были. Он был коммунист, вот этот вот. Ну типа начальником, что ли, в кузнице-то у отца. А отец на все руки мастер, он и строитель, он и кузнец. Вот надо — кузнец. Он, кстати, подкову в два накала ковал. Это редкий мастер делал такое, а он подкову в два накала делал. Тогда еще конный этот двор был, машин-то не было на фабрике [нрзб]. Вот он вот это делал.

00:56:37

Скажите, а как окружающие к раскулаченным относились? С неким злорадством или, наоборот, с сочувствием?

Вот как к раскулаченным относились. Значит, вот у нас был двор. Там, я уже потом понял, все работали в УПИ, там была интеллигенция. Они работали бухгалтерами и так далее. У них отцы были враги народа. Но мы об этом не знали. Как? Как мы относились друг другу? Да только по силам. Вот ты сильнее, значит, сильнее. Слабее — слабее. А кто ты? Евреи там были. Кто там, татары или чего, мы не знали даже. Я потом уже узнал, что этот вот был еврей. Я потом узнал. Мы даже и не знали. А жили вот по твоим данным, вот ты вот такой. Ты врун — врун. Какой ты нации, мы не знаем об этом. То есть относились... Был двор дружный, абсолютно дружный. Отцы у них, отцов не было, но они интеллигентные были. Вот крестьян-то было мало. Началась война, они все ушли на фронт. Кто-то погиб, кто-то пришел живой с медалью и так далее. Вот эти вот дети. Вот эти вот дети репрессированных. А вот как относились другие? Во-первых, зависть была у этих вот, которые, я вам скажу, ну, он не кулак был, он и не работ, ни то ни сё. У него то ли здоровья не было работать, то ли что. Он не мог сделать так, как этот мужик, у которого было здоровье, энергия, ум был и руки были. Была зависть к ним. Я перескочу на мое детство. С нами жили Черепановы. Я тут в книге про них пишу. Правда, я под другой фамилией его, чтобы тут вот... Не пишу. Он ровесник мой. И постарше был Костя, его брат. Они раскулачивали. Мы из одной деревни. Как получилось, что мы оказались в одном доме? Они, значит, отец у них, ну как они там, совет, они всё в первую очередь прибирали. И им провели электричество, помимо других, сразу ему. И он там стал проводить где-то в сарае, тянуть, и его убило электричеством. Всё. Вот такое вот богатство, они там нараскулачивали, у них много было. И вдруг вот такое несчастье. Всё, что они сделали, уехал[и] в город. Как там в деревне, тяжело ведь там работать. Уехали в город. Ведь среди нас были осведомители, стукачи, их называли. Мы об этом не знали. А я вот сейчас перекинусь сразу на другое время. Я когда узнал, что среди нас были стукачи? Я был дежурный, начальником патруля по станции. Мы задержали старшину пьяного. У него портфель, застегнутый, опечатанный, и одна эта отошла. И какие-то бумажки. Мы — раз — бумажки достали. А там что? Вот такой вот листок. Много слов нет. Докладная: такой-то лейтенант слушает «Голос Америки»* [«Голос Америки» внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов. — прим. Ред.]. Елки-палки. Да у меня же приемник, я тоже слушаю. Наверное, и на меня тоже есть. У него полный портфель докладных. Это сколько было осведомителей среди нас, лейтенантов. Я сейчас только понял. Ко мне подошел замполит, хороший мужик, подполковник, говорит: «Потише включай». А я что думаю, громко включил и приёмником ловлю. «Потише включай». Оказывается, на меня уже была докладная, наверное.

01:02:23

Вот про этот портфель вы рассказываете. Это какие годы?

Это уже был... Я закончил училище в 1953-м, в 1958-м в апреле я уволился. Это вот пятьдесят... Это было при Хрущеве уже.

01:02:47

А в период раскулачивания были стукачи, которые на своих же односельчан доносили, что у него там вот столько-то скота, столько-то земли?

А, так это всё знали в деревне. Всё это знали в деревне. Нет, это всё знали. Недоброжелатели, да, были завистники. Сразу же нашлось много людей, которые с удовольствием тебя [нрзб]. Иди поживи вот там на голом месте — они со злорадством: ты, сука такая, вон что у тебя, всё в порядке. А тут вот то болеешь, то так вот. Болезни, да, у них. Почему? А потому что у них санитария-то была на низком уровне. У них изба-то была грязная, в тараканах. Зараза. И они мёрли. Они рожали и мёрли. Ну неспособный народ. А этот, у него и тараканов в доме нету, и он и крепкий, и баба у него крепкая, и рожают семерых, и он здоровый мужик. Зависть была. И пришло это раскулачивание. Не знаю, учел ли это Сталин или нет, что деревни-то расколются. И она раскололась. И вот эти вот недоброжелатели, они были. Да они бы пожалели вот это вот. Да, по-русски бы пожалели тебя, что ты вот, обобрали тебя и ты голый пошел голый с

ребенком, как меня, двухмесячный, я же должен умереть был.

01:04:29

А давайте подробно сейчас реконструируем вот эту историю в момент раскулачивания.

Когда нас раскулачили в доме Кочевых, мать беременная куда? Она перешла к своей матери и отцу в домик. Небольшой домик, две комнаты. Нашли нам место. Она там родила в бане. Баба Марфа приняла меня, приняла роды. Баба Марфа. Никуда здесь в больницу не ездили. Всё в бане всё делали. Все мастера были. И пуповину там отрезали. Бабушка меня приняла. Роды. Я здоровый родился. Мать здоровая. Бабушка приняла роды, остальные ушли из дома. Куда? А куда глаза глядят ушли. Это по третьей категории. Их не ссылали, место не показывали: вот здесь живи, работай, тут вот тебе постель. Нет. Отсель, катись отсель. Вот всё. И они ушли в боязни, что если их поймают в этом же селе, то уже раскулачат по следующей категории. Вплоть до расстрела. Вот такие были. Ссылка. А в ссылке там еще хуже. Там, говорят, вот в тайгу выбросили — и всё. И там живи. И выжили там люди. Выжили. Потому что там были крепкие мужики. Вот как их называют кулаки. Мне это противно, это слово — кулаки. Вот как произошло. А мы как? Значит, мы переселились, жили. Но когда мне исполнилось два месяца, я уже рассказывал о том, что дед-то Василий был в составе этого... Как он? Да. В составе совета. Он раскулачиванием-то не занимался, у него душа болела, и он в конце концов их пресекал, говорил. И вот в окошко-то постучали: «Завтра вас по первой категории». По первой категории, если ты еще против, так ты враг, тебя могут кончить. И ничего не было бы. Расстреляли бы. Он понимал это, и они сбежали. И наша семья-то осталась: мне было два месяца, отец, мать, сестра. И мы пошли куда глаза глядят. Пошли куда? На вокзале. На вокзале где-то пробивались. Какие-то там деньги были скоплены, что-то немножко с собой одежды было. Вот как раскулачили. Потом, значит, ну куда деваться? Куда-то надо на работу. Да хоть куда. А справку. А у него справка, значит, раскулаченный по третьей. Да потому что боялись. Еще припишут, что ты кулакам помогаешь. Нет. Вот раскулаченный — и поезжай куда-то, куда тебя ссылают. Короче говоря, мы нашли место на лесоповале, на лесозаготовках. Там мужики крепкие нужны были. Там, я вспомню, мы жили отлично. Вот в чем дело. У отца была медвежья сила. Он с удовольствием любую работу, если ему поднять надо было, он с удовольствием поднимал. У него кипела сила. Он быстро на любом лесоповале. Вот там приняли его на работу, на любом лесоповале он выкапывал землянку. Камни на Урале были, из камней делал печку, которая выходила прямо. Там в землянке дыра и туда выходил [дым]. По-первобытному. Мне было два месяца, на наше время как это ребенок может в тайге выжить? Да и отлично. Мать, видимо, столько молока было, сыто пил. Хорошо жил. У меня ощущения там не было плохого. Они уходили, мать работала, а я оставался с сестрой вдвоем. Сестра за мной ходила. Три года ей было. В землянке. Вот так мы там прожили. Жили до тех пор, пока отец... Там еще какая-то проверка была. Отец показал свою вот эту книжку. Там быстро доложили. За подписью Троцкого награда. Быстро доложили, что там троцкист живет, там они шибко понимали. «Троцкий» только прочитали — троцкист тут живет. Там могут напести что угодно, что говорит не то. Всё, арестовали. Но причины-то не было, чтобы троцкистом считать, нет. Его по другой, что справку затаил. Он три года отсидел свой срок.

01:10:35

А отца забирают, арестовывают, да, на эти три года, а вы как?

Как мы не сдохли тут? Мать поняла, что тут они не выживут одни, двое детей, они тут без отца не выживут. Она подхватила меня, сестренка, и, кстати, у ней была ценность — швейная машинка. Швейную машинку, это ее приданное, они получили по Столыпинскому указу, шли люди на Урал, Сибирь, в общем, переселялись из Центральной России, и они нуждались в деньгах, и они купили эту, Уольцевы купили эту машинку швейную. Она сейчас жива, эта швейная машинка. Так вот эту машинку мать держала и меня тащила. Дошли до города, там что-то было еще из еды, да еще я до трех лет не говорил, а только молоко пил. Вот такое было воспитание. Думали, что я говорить не буду, вот такое в тайге среди медведей было воспитание. Но счастливое было время, там не было зла, вот в чем дело, там не было зла. Ты трудишься — всё, ты мужик, ты наш, всё. Там не было зла, зависти не было вот этой вот. Каждый как трудился, так всё. Ну, шли, нашлись хорошие люди, где спали, на вокзале пока спали, то-сё. Чем питались, неизвестно, ну, видимо, может быть, какие-то деньги сохранились. Где мы нашли приют? За Ивановским кладбищем, там бараки были, вот там мы оказались, постучали в дверь. А кто в бараках жил? А эти, как они, ну, в общем, всякие, которые переселенцы и так далее, на работах были временные, там и бывшие крестьяне, и, в общем, всё, вот такой вот народ был. Нас сразу же пожалели люди, видимо, ну как, люди были, были люди, пожалели и койку нам дали, там кто-то сбежал. А, вербованные, вот кто это, жили, были. Там вербованных, видимо, ну, брали вербованных, потом он что-то там недополучал и сбежал. Вербованные тоже не по своей воле там были, вербованные были. Всякие были, и хорошие были, и плохие.

01:14:07

А никаких вопросов, откуда вы бежите, «не хотим связываться с раскулаченными»? То есть вас приняли без дополнительных вопросов, без подозрений, кто вы, откуда?

Они увидели, что мы... Поняли всё, что тут с ребенком и женщина тут вот-вот помрет, и девочка там, и так далее, голодные. Была жалость, были люди такие, были люди, да. И мы эту койку заняли, какой-то вербованный сбежал, эту койку вербованного, там не разбирались, мужик, баба, семья, вербованные. Как тут выжили? У мамы была швейная машинка, мастер, всё это, мастерством они владели, они и готовили, это Усольцевы, это была, это были мужики, ну как, кулаки, это жизнеспособные были люди, вот кто такой кулак. Сейчас я с этой меткой живу, «кулак», не дай бог кто-нибудь узнает, что вот. Да вот еще, до 1990-х годов еще было, не дай бог. Она, во-первых... Надо было, ну, машинка, первое — она стирала. Кстати, тут перервусь. У нее кровать, койка была, тут ведра, тут печка, коптила, стирала всем, ну, понятно, за какие-то копейки стирала. Мы этим выживали. Тут кипяток стоял. Я, что там еще, уже подрос, мне уже было три года, я что-то встал пописать — и ногой в кипяток. Мама сразу меня схватила, и рядом стояло, к счастью, ведро с холодной водой, и в холодную воду сразу же, и это меня спасло. Правда, я лежал, в соседнем бараке была такая же процедура, мальчишка стал в кипяток и умер. Бог меня сохранил, я встал, она меня сразу в холодную воду, вот так я выжил. Врач приходил, приходил врач и всё удивлялся, как я живу, что не помер, не умер. Был врач, было обслуживание, ну, какое-то было.

01:17:01

А можно я вас прерву. Вы уже дважды говорили, про черную метку, которая тянулась вплоть до 1990-х годов. А можете рассказать пару ситуаций, когда вот этот шлейф раскулаченного вам по жизни мешал, да?

Вот первый случай такой. Вот эти Черепановы, они были завистники, они пришли, и тут у них нет отца, а мы живем и отец. В бараке, правда, а они в доме сразу поселились, [нрзб], на третьем этаже, это от УПИ. Она поступила, видимо, работать в УПИ, ну, какую-то там должность, хрен его знает, маленькую, там много всяких работ было, вплоть до уборщицы, неважно, но была стукачом. И всё. Понятно, это была злая женщина, завистливая. Мать моя была красивая, да, ее все признавали, ее красоту, в институте, русскую красоту признавали все. Она была некрасивая, зависть. Дальше, значит, у нас отец был, у них не было отца, зависть была. Короче говоря, дело кончилось тем, значит, я в этот дом в [нрзб] ходил играть, в бараке, там собирались зимой. Однажды, значит, поднимаюсь, навстречу мне, по лестнице навстречу мне Бобан, ну, так его звали, младшего, Колюшка, Коля, Бобан. Встречу, и сразу мне, значит, раз в морду. Мы уже драться умели. В морду. Я не ожидал, я в пальто, а он раздетый, рукава засученные, а там наверху стоит его брат. Он меня свалил, я в недоумении, думаю: что такое? Я, значит, начал бить в лицо, наверху стоит Костя: «Кулаки!» Вот, пожалуйста, кулаки.

01:19:37

А в более взрослом возрасте, когда вы куда-то поступали, может быть, учиться, техникум?

Сейчас я доскажу. Ладно. Ну вот что у нас за порода? Я бы должен зло вот это нести. А я ведь потом с ним дружил, вот ведь что. И он насккивал на меня, там, где силу показывал, там же у парней надо показать силу, что ты сильнее, там кто сильнее... Он всё время на меня насккивал. Мы дожили уже где-то до 15 лет. Чем кончилось? Так, война была, мы все без оружия не ходили, у нас в кармане или свинчатка была, или нож был, у школьников просто так. Если на тебя нападут, ты раз, финяк показал — отскочили, всё. У меня даже потом пистолет был самодельный, мелкокалиберный, но это потом уже. То есть это мода была. Короче говоря, он на меня наскочил, а я его сильнее был. Но не мог его, сильнее, но вот он как-то вот... Это доброта Кочевская. Вот он меня, значит, наскочил и оказался вот здесь вот у меня в руке. Я достал свинчатку — и ему по башке. Он раз — и упал. Я думаю: опа, убил. Потом он — раз — очнулся, страх в глазах, и убежал. Драки кончились. Но мы опять дружили. Вот, вот всё пойми. Сейчас, значит, что...

01:21:41

Я спросила, как вам статус раскулаченного в дальнейшей жизни мешал?

Вот, в дальнейшей, в дальнейшей. Это уже было не так давно. Это было 1980-й, 1985-й, наверное, 1980-й год. Значит, мы на работе. Я начальник бюро, руководитель бюро по вычислительным машинам. Были такие вот вычислительные, бухгалтерские машины, вот такая вот, они всё это делали. Это еще до ЭВМ. ЭВМы были, электронные вычислительные машины. Они вообще два, две комнаты занимали, ЭВМ-то большие были. Вот я был, у меня группа была, мы в командировки ездили. И были еще «Аскоты», это механика. Я офицер, у меня какой-то статус был в жизни, то есть меня принимали. А этот вот мой ровесник, Еремейкин, «Аскотой»

занимался. «Аскота» — это механика. Но тут надо голову иметь, а знаний не надо, потому что электротехники тут нет. Чтобы ЭВМ, тут надо электротехнику знать. Я это, вот что что, у меня физика, электротехника... У меня, кстати, книга по физике написана. Потом. Короче говоря, пришел... Я не знаю. Он вдруг... Там был начальник отдела, пришел, Володин. Я не знаю, то ли они одной национальности, то ли что, не знаю. Этот Володин решил его поставить начальником бюро. И, короче говоря, отношения вот такие вот. И вот тут вот, значит... Ну, мы разговаривали просто среди ребят, в одной комнате, мы съезжались, в командировки ездили, а тут вот приедем и говорим. Да я начальник, я себя не чувствовал. Все равные были. Я что-то рассказываю. И вроде там... Вроде: «Я, может, я из дворянского сословия», а он: «Из кулацкого». Меня в самое сердце. Он каким-то боком сразу понял, что я из кулацкого. Да, я крепкого сложения, всё умею. Правильно. Мы вместе с ним прожили, значит, войну прожили. Я получил какое-никакое образование. В институт хотел поступать. Пошел в училище, потому что у меня идеал был — вот этот дядька. И пошел в училище. А это другая уже история. Короче говоря, вот где он меня ранил. Как он это знал? «Из кулацкого». И он с таким презрением. Остальным это как-то до лампочки, которые были успешные, а вот он завидовал. Мы одинаково росли. У него тоже пережили. В войну отца у него, тоже он погиб, отец. Тут вдруг, значит, вот такое вот презрение. Вот, пожалуйста. «Из кулацкого». И это больно было. Это больно.

01:26:15

А вы в течение своей жизни и вообще в юности, потом считали необходимым скрывать информацию о том, что вы из семьи раскулаченных?

Я всю жизнь скрывал ее.

01:26:25

Только не будет моего вопроса. Можете развернуто сказать?

Ну как? Во-первых, никто не спрашивал. Никто не спрашивал. Потому что люди, вот как... Кто-то, у кого-то родственники были в НКВД, которые расстреливали, на 12-м километре сколько, 18 тысяч расстреляны. Это кто делал, расстрелы-то? Кстати, у меня там два Усольцевых. Один родственник наш Усольцев. Памятная доска там. Кто-то делал. А дети-то? Они же помнят своих. Что они будут рассказывать? «Мой отец был и стрелял вас подлецов»? Нет. Вот как-то не было таких разговоров, разговоров, кто там и так далее. Не было разговоров. То, что ты имеешь, какую силу имеешь, какой ум имеешь и так далее — это и была ценность вся. Люди, которые занимают, которых раскулачили, это трудовой народ. И они, они прекрасно потом вписались в советскую действительность. Мы ведь прекрасно жили потом. Вот отец, сколько он получал? Как-то он принес получку. Он хорошо зарабатывал, стахановец, он две нормы там выполнял, он какую только работу не делал. Мы хорошо жили. Вот ведь в чем дело, что раскулаченные-то, им не горе было, что они отдали это в хозяйство. Отец-то и не жалел даже этого хозяйства. Да и мать не жалела этого хозяйства, потому что мы, и мать вписалась в труд, ее настолько уважали. Она тут закончила уже школу, вечернюю заканчивала школу, хотя там было что-то у ней образование четыре класса. А тут она работала, научную работу выполняла, она старший препаратер в институте. Она и тут хорошо зарабатывала. Сколько? Немного, конечно. Но при отце мы жили. Вот эти раскулаченные мужики, они прекрасно жили. Они вписались. Им воевать-то, ненавидеть советскую-то власть — у них не было ненависти к советской-то власти. Вот в чем дело.

01:29:32

Они ведь воевали за эту советскую власть, но не за Сталина. Правда, и ненависти к нему не было. Они просто как к поганому. Что про тебя говорить? Поганый ты. А ненависти не было. Вот такое, что ты погань, вот и всё. А Сталин? Я сразу перескочу. Он жестокий был, но он ведь был жестокий сам с собой. Ведь он жену-то свою довел до того, что она застрелилась. А у Молотова-то жену он посадил. А Молотов, с какой он душой был? Его сейчас спросили про Сталина, вроде внук Сталина, комментатор-то вспоминает про него. Как Молотов к Сталину относился? Жену его... Он говорит, если бы не было Сталина, мы бы не победили. И тоже вероятно, правда. Сталин столько сделал вреда, но он сделал и пользу. Победу-то он всё равно сделал. Вот ведь в чем дело. Вот какое переплетение. Это сталинские грехи. Вот тут я все их перечисляю. Я перескочу, можно?

01:30:51

Смотря куда.

А?

01:30:53

Смотря куда перескочите. Давайте.

Вот про Сталина, какие у него грехи? Ну, во-первых, значит... Это жесткий человек. Почему он жесткий? Вот когда в плен попал его сын Яков, Гитлер предложил обменяться через посланников и так далее, на генерала сына [обменять]. Сталин что ответил? «Я генералов на солдат не меняю». Это про своего сына, на смерть. Вот насколько был, силен был человек. Где-то сила его понадобилась, жесткая сила, в переговорах с тем же Черчиллем. Вот возьми Сталина.

01:31:53

Скажите, а у вас отношение к Сталину как-то менялось в течение жизни? И как?

Значит, отношение к Сталину... А вот я зомбирован был. 1953 год, Сталин умер. Мы стоим в строю. И надо отдать должное, замполиты — это были поэты. Их отбирали. Я не говорю, было образование и так далее, это был дар. И вот замполит один, второй, и вот они качают. И Сталина... У меня слеза потекла. Вот так вот. Так же, как с Бобаном, он меня избил, вот так же со Сталиным. Всё это зомбирование, что ли, или это какое-то подсознание, что Сталин идиот, но он необходим, в этом спектакле он необходим, его сила такая, жестокая сила необходима.

01:33:13

А потом поменялось ваше отношение? И как оно трансформировалось?

Потом я все материалы изучил. Бехтерев признал, что паранойя у него. Хрен его знает, паранойя, не паранойя. Это характер такой. У меня сын, вот у него характер — да! Он в Белоглазовых. Я опять перескочил. А Белоглазовы — это жены дед, дед Белоглазов. Их с Белоруссии, из села, крестьяне выгнали. Это был жестокий человек, справедливый, но жестокий был человек. Характер такой. Вот сын, я прослеживаю у него, у него твердо, вот так вот, сказал — всё. Не могу против него. Жена Тамара, она умерла, горе мое. Тоже уж настолько она была... Она женщина была полная, в смысле слова, и крикливая. А перед ним пасовала. Вот Сталин. Вот Сталин. Конечно, это горе наше, горе. Конечно, это горе наше. Но! Если возьмем Ельцина, то вот Ельцина, я презираю как крысу за предательство. Это деревенский мужик, хамло вот это вот, которое раскулачивало, такое вот. Большого роста, значит, ни ума, одна жадность. Я представляю, это деревенский мужик. И вот, если бы выбирать, Сталина или Ельцина, я бы выбрал Сталина. Больше симпатии к Сталину, чем к Ельцину и больше ненависти к Ельцину. Это предатель.

01:35:47

Но при Ельцине не было сотен тысяч репрессированных людей, которые в ГУЛАГе умирали и вообще были расстреляны. У вас как вот этот баланс в голове происходит? Мне просто очень интересно. Вот когда вам кажется, что эта сила и характер достойны уважения, плюс, как вы сказали, в этом спектакле во благо...

Это часть, это часть.

01:36:06

А при этом миллионы погибших людей от его рук?

Это... Это страшно. То, что он сделал, это страшно. Вот с Троцким что он-то? И всех троцкистов, с Троцким, значит, фактически потом убил его, так? С троцкистом он ведь боролся всего лишь не за идею, а за власть. Ведь Троцкий-то был единый по духу-то со Сталиным-то. Ведь колхозы — это идея Троцкого военизировать крестьянина. Это Троцкий, только более жесткого. И вот борясь за власть... И те люди, которые воевали под командованием Троцкого, — Троцкий же был командующим флотом и армией, об этом в истории вот так вот [мало], нету этого, — они воевали под его командованием, они все оказались троцкистами. Хотя они разделяли всю политику Сталина. Ну правда, ну как здоровый человек, как называть такого здоровым? Ведь он расстрелял 95 процентов командиров, начиная от командира дивизии. Это вот Хрущева надо почитать, все эти данные выложил. Как это? Если бы он не расстрелял этих командиров с опытом войны... Мы войну-то встретили с командирами, бывший лейтенант потом стал полковником, у них же опыта не было и данных не было. Это чья вина? Сталина.

01:38:22

А к возрождению культа личности Сталина как вы относитесь? Ну, есть же сейчас такие волнения, и не только сейчас. Реабилитация Сталина, возрождение этого культа какие вызывают у вас чувства, эмоции?

У меня ничего не изменилось. Сталин сделал не то что подлость, а он такой вред нанес этим расстрелом тех же троцкистов. Они что, против советской власти, что ли, были? Нет. Потому

что они против него были. Вот Киров, куда Киров делся? Ну, это всё из доклада Хрущева, XX съезда партии. Куда Киров делся? После того как проголосовали на XVII съезде, 1934 год, там была кандидатура Кирова, была Сталина. Так вот, за Кирова подали 300 голосов, за Сталина 3 голоса. После этого делегаты XVII съезда сели в автобусы и, как в сказке, куда-то исчезли. Дальше нет продолжения, никто дальше не говорит, куда они делись, и расследования никакого нет, и не вспоминают об этом. Ну вот как Сталина за это? Это когда за власть, кончил. Так это он кончил-то ведь не делегатов, он партию кончил. Следующее-то поколение коммунистов — это уже не коммунисты были, это были те, которые поддакивали. По натуре это были уже не коммунисты. Он партию фактически уничтожил этим. А потом, 1937 год, вот этих и военных, и инженеров. Я помню, как арестовывали Додькина отца. Он был главный инженер во дворе наше[м] жили. У нас был барак, шестуха трехэтажная и коттеджи. Это всё были опытные дома, Уральский политехнический институт их строил для будущего. Шестуха — это коммуна, там общая кухня, общий туалет и комнатки, но теплая, но, правда, без ванны. Это дом для таких. И был барак. Это в 1930-е годы, слава богу, хоть не на улице там прожили, мы в бараке, причем и счастливо жили в бараке. Был барак. А был и коттедж, красивый такой домик двухэтажный. Там уже советская элита. Вот главный инженер и Додька, у Додьки была мать пианистка. Ну и он главный инженер. Причем форма у него, ну, какая-то порода. Не курносый, а с горбом нос, красивый, высокий, всё у него. Главный инженер. У них был двор. У нас было три или четыре коттеджика таких и земля была. Это уже элита должна была быть советская. Он жил в этом. Ну там кто-то еще на первом этаже, не знаю, был или нет. Короче говоря, мы там бегали, а у нас были сарай, мы бегали по сараям, забирались. Потом вдруг всё затихло, а там черный воронок приехал. Он действительно был черный воронок, такой темный воронок. И там люди сновали. И потом вывели этого главного инженера. Мы там затаились и смотрели с крыши, с чердака. Его вывели — и в черный воронок. Всё. Пианистка, женщина, жена его, и Додька, сын. Додон, Додька. Остался. Как относились к ним? Он замолчал. Что вот там, ну сказать, что вот он... Он замолчал, он ушел, ни слова, он скрылся. И потом мы уже дружили. Он также с нами бегал. Тут уже со скрипочкой, мать его за руку не водила, со скрипочкой уже, он уже скрипку бросил и хулиганил с нами. Я пришел к нему домой и смотрю: «Додька, ты что это в форме гимназиста?» Его отец стоит, пацан. Он значит: «Отец мой». Чуть не заплакал. А до этого какой разговор был? Переведем разговор на отца — «Да я его забыл. Да не знаю». Вот так вот. Врал. На душе-то у него вот он, отец-то, был. И дальше как. Я опять перескочу. Как в войну вот эти жены, они красивые были бабы, интеллигентные. А мужикам нравились бабы. Вот он идет от своей бабы работающей и так далее, хотя она в теле, у нее всё есть, а вот интеллигентная... Какая-то интуиция, она умнее его, и вот он тянулся к ней и считал за честь с ней вот так вот. Короче говоря, в общем, она осталась одна с Додькой. Казалось бы... Правда, их не выселили, он так и жил. Правда, там комнатку, может, и отдали. Так и жил. Как эта женщина выкрутилась? Они не померли с голоду, у нее ноги не опухали, как у моей матери, вторая стадия была, третья уже, человек умирает. У нее был любовник. Треста — как называлось? — заведующий или директор треста. В общем, заведующий треста. Причем эти руководители треста, у них одна форма была, они брили голову. Хрен их знает, под кого они косили. Брили голову. А Додька... Видимо, потом их притеснили, и, наверное, у них комнатка уже была, может, одна. Короче говоря, Додька... В общем, он приходил к ней. Ну понятно, снабжал. И они жили. Управляющий. Управляющий трестом, да. И Додька увидел, говорит: «Лысая голова. Потом я вышел вроде пописать. Он раз — и вот, ну, с нее слез. Упал». А сам с такой злостью, обидой на мать рассказывает. И что он сделал? Он забрал все ее кофточки шелковые, в которых она наряжалась перед ним. Ну она в филармонии выступала. Я не знаю, чем она там занималась в филармонии, но неважно. Человек интеллектуального труда. Я уже жил... Я с базара не уходил. Мы почему-то на базаре всё время что-то то продавали, то что-то, в общем, жили на базаре. На базаре. В войну базар — это всё. Он кормил. Там можно было и купить дешевле, и продать дороже. А он-то такого воспитания не получил. Я-то как свой там был, на базаре, всё знал. И могли на базаре тебя, та же шпана, стукнуть, обобрать и так далее. Я все эти ходы знал. Там одному, если ты незнайка, тебя, там будешь, ошманают и еще и изобьют. Опасно. Он меня, значит, не дурак: «Пойдем на базар». И эти кофточки мы продали. Продали и купили что-то поесть. Пирожки. Вот я помню, он сюда положил, сюда, сюда. Пирожков набрал. И мне, понятно, отдавал. Короче говоря, мы пирожков... Пирожки продавали. Это торговля была. Мы наелись пирожков на мамины кофточки вот эти. Вот так жены... Красивые женщины вот так вот питали.

01:49:47

В 1933 году отца арестовали. Мы остались в тайге одни, в землянке. Мама беременна. Мне три года. Сестре шесть лет. Родила она где-то тут в центре города. Абортная есть, вот там она родила. Ребенок умер. И что главное, она была рада. Потому что если бы троих, ей бы одной не вытянуть, а так хоть мы вдвоем и выживем. Отец писал. У него дела были еще хуже, он умирал там с голоду. Он должен был умереть. Порядки там в заключении были простые: умер — тут же закапывали. Он это знал. Что он сделал? Он приготовил себя и сделал, нанес себе рану пилой на ногу. И приготовил жженую тряпку. Ну, товарищ всё это знал, и товарищ перевязал его. Можно было оказаться, значит... По дороге его вывезли. Вот такие же дистрофики, мужики его

везли. Могли бросить его тут. Они сами еле шли после работы. Но они вывезли его. Вот такой народ был. Они его вывезли.

01:51:48

Как можно было выбраться из-под ареста? То есть я не очень поняла. Он нанес себе рану, а дальше?

Нет. Это с лесоповала они выезжали. На лесоповале бросали сразу, и всё. И тут тебя животные съедят или... Он на лесоповале ногу себе поранил. Друг его порезал. Ну и товарищ его, значит, на волокуше вытащил. Охрана, говорит, я вспоминаю, всё время оглядывался, не помер ли, чтобы бросить его тут, а то он дорогу... Врач был враг народа. Признал травму. Всё вот такое вот. Доброта тут. И доброта тут людей. Пожалуйста, выжил. После этого, не знаю, почему его освободили, то ли потому, что он уже не годен был, посчитали. Хотя он потом выздоровел и работал. Короче говоря, в 1936 году он появился. Мы жили в бараке. У нас была комнатка, разделенная пополам. Это я уже помню, мне было шесть лет. Значит, что я помню до прихода отца, это вот темнота какая-то была. И днем было темно, и на душе было темно. Не было... Улыбок не было. Не было радости. Рядом был у нас за занавеской, за занавеской жила семья, там мальчишка жил, еще меньше меня. Он оставался один и боялся. И вот, значит, мы увидели бабу-ягу. Темно было, проснулись. Он увидел что-то там, видимо, закричал, бабу-ягу. Я увидел бабу-ягу. Там лежу, вроде шевелится страшно. Потом рассвело. Оказалось — тряпка. Ну, я эту тряпку взял, значит, и мальчишка этот обрадовался. И вот в эту комнату, вдруг... Ну, это другая уже ночь была. Вдруг я проснулся. Причем мы комнату не закрывали. Мама говорила, у нас нечего тащить. Мы не закрывали. Вдруг я проснулся и увидел отца. Я не знал, что это отец. Стоит мужчина. Помню запах. Я только потом понял, что это запах заключенного. Запах. И смотрю, от него идет энергия добра, такое добро идет. Я должен был бы испугаться: вдруг появился там человек — а такое добро, и он на меня смотрит. Такое добро смотрит. Я встал на кровать, и мы как раз с ним вровень оказались. И смотрим друг другу в глаза. И он мне подает в бумажке завернутые конфетки, горошек. Вкус помню, внутри водичка. Всё помню, хотя уже прошло 89 лет. Или сколько? Нет. 86 лет. Всё помню. Это отец был. С этого момента я фактически ожил, у меня другая жизнь пошла. Отец, он быстро преобразился, он на работу поступил. Не знаю, вначале кем он [работал], любую работу делал. Делал с блеском, его везде ценили. Или строителем был, или столяром был. С этого момента то есть мы ожили, но это не главное. Главное, что у него душа веселая была. Он все время или хохмил чего-нибудь... Он без смеха нас не оставлял. Мы с ним потом, сестра, я, мы с ним за чаем... Я по пять стаканов чаю выпивал. Почему? А потому что уходить из-за стола не охота было. Он какую-нибудь хохму на столе придумает. То возьмет карандаш и — раз-раз — нарисует: это соседка, но соседка уже в таком виде, усилил какие-то [черты]. Мы хохочем опять. Или еще что-то. Или он возьмет меня, сестру и жену, маму, и всех крутит. Всех крутит вот так вот. Потом — раз — и бросит на кровать. Кровать он сам сделал на пружинах. Это роскошь была. Он где-то на помойке нашел пружины, связал их, у нас было это вот, матрас был, это редко кто владел таким. Бросит. Вот так вот хохмил. Был праздник. А тетя Шура приезжала, сестра мамы, тетка моя, добрая. Она пива не пила. Отец — раз — и ведро пива приносил. Там через мост «американка» была. «Американки» вот такие вот круглые были, по образцу какому-то американскому, что ли. «Американка» назывались. Пиво приносил. В одиночку не пили. Весь барак приглашался на пиво. Приходил милиционер и начинал провокационные разговоры. Ну, отец ведь был, первых, сидел, раскулаченный, враги народа, тут уже 1937, 1937 год, это уже враги народа. Не враг ли он, а у него задание, провокационные вопросы задавал. И помню, сестра ела, у нее два яичка, мы нормально уже все питались, он уже зарабатывал быстро и хорошо. Два яичка — это уже была роскошь, два яичка съесть. Два яичка. Милиционер говорит про частную собственность, начинал провоцировать его. Ну, отец-то что? Не дурак, понимал. Говорит милиционер-то: «Я у нее заберу это ячко-то. Вот как она?...» Ну, отец как-то шуткой, в общем, на провокацию не поддавался, но тем не менее это были друзья, он их приглашал, все, кто там с барака, они приходили и вот как к себе домой — пивка выпивали, разговаривали. И нам весело было. И нам хорошо было.

02:00:29

При этом это годы прямо максимального террора, да? Это вот уже 1936-й. При этом это в годы страшного террора.

Да. Это вот...

02:00:36

1936-1937 год. А вы говорите, в бараке такой жизнью жили. А ходили бесконечно слухи: забрали одних, забрали других, репрессировали? Были такие настроения?

Было. Значит, в 1937 году у него... Он подковал лошадь, и она сдохла. Как? Ну, понятно. Враг

народа. Тут все факты налицо. Он приготовился в тюрьму, приготовил себе, у него был стульчик маленький, [нрзб]. Мы по лицу его даже не знали, что он пережил. То есть его должны были как врага народа, безусловно, схватить. Готовился в тюрьму. Что он пережил? Мы только могли узнать, шепот ночью, с матерью он разговаривал, и вот по тревожному шепоту можно было понять. Я просыпался, иногда слушал шепот такой тревожный. Но на семью это не распространялось, он как жил, как он давал нам радость, так он жил. И это такое было счастье! У меня было счастье. С 1936-го по 1941-й — вот это было счастье. Да. Я тут стал человеком, я тут ожил. Оказалось потом, лошадь, сняли, видимо, потом анализ, всё же докопались, и оказалось, она умерла от... Ну, какая-то там эпидемия, в общем, была. Отцепились от него. У него был друг. Ну, друг. Да, друг. Моложе его. Партийный. Он получил квартиру там в хорошем доме, но на работе показывался редко, он занимался партийными делами. Во время войны, война началась, он агитировал добровольцами, чтоб люди ушли добровольцами. Я папке говорю: «Иди, папка, добровольцем, шинель дадут». Вот я фразу, по этой фразе я себя сейчас вспомнил, на какой политической стороне был, как, что. Да мы все чапаевцы были. Я не могу это объяснить, то ли это черта народа русского, такая добрая. Не могу объяснить. «Иди, папка». Вон попробуй сейчас, пойдешь кто-то мобилизуешь, пойдут вон воевать, на войну там. Каждый ведь косил как-то и так далее. Конечно, он добровольцем не пошел. Он прошел уже войну, он знал, что призовут и так, и так пойдет, нормальным путем. И в июле его призвали. Три месяца подготовки — и фронт. Фронт его совпал... Он в декабре, к декабрю прибыли. Я сохранил его письма. Он как-то ухитрялся писать эти треугольники и бросал куда-то. Что-то, это было честно, треугольники доходили. Он всё сообщал дальше. Сейчас я вспоминаю, как москвичи помнят их. Эти сибиряки, а там половина были раскулаченные, сибиряки, уральцы, они шли, они в полушубках были. Их одели по-сибирски, хорошо. Они отличались. Крепкие здоровые мужики. Москвичи с такой радостью вспоминали. И они гнали вперед, там, где гремело, и потом — раз, им давали отдохнуть, они прислонялись к чему-нибудь, и храп стоял. Вот такие мужики были. Это воспоминания москвичей. Дальше. Рокоссовского читаю, он сам был репрессированный, и он с таким уважением к сибирякам, потом к штрафникам он с таким уважением относится. Он вспоминает этих вот сибиряков. Они как раз с ходу пошли на прорыв, и 5 декабря, уже было там 40 километров, в бинокль уже рассматривали Кремль, враг. Прорвали кто? А вот эти сибирские войска, вот эти кулаки, они. Да. И отец там был. Рокоссовский пишет, река, видимо, небольшая, Москва — Волга, она уже замерзла. Разбомблена была, видимо. Как ее они, сибиряки ее форсировали на каких-то... То ли пешком, то ли на каких-то... Прошли. Потом, говорит, шли уже вот так стоя. Сбили противника. С такой лаской он пишет. А отец пишет: «Перешли канал, Москва». «Перешли канал» просто, потом я уже догадался, он где был. Москва — Волга. Он был зенитчик. Ну, видимо, там подбирали крепких, чтобы снаряды быстро... Семь самолетов сбил его расчет. Командиров наградили. Не шибко награждали тогда, но наградили, благодарности, это всё было, почет.

02:07:42

А что он еще в этих треугольных письмах писал?

А?

02:07:44

Что еще отец в этих треугольничках писал, которые приходили с войны? Что папа еще в этих письмах писал? Что рассказывал?

Ну, он писал в каждом письме свои боевые успехи. В одном из писем: «Сегодня плохая охота». Вот так вот весело. Хотя какая это охота? Во-первых, если бомбардировщик шел, шел истребитель, который по зенитному оружию стрелял. И тут кто кого, кто кого убьет. Сбили самолет. Он мне выслал в письме от парашюта то ли нитку, то ли что-то, от сбитых им парашюта. В следующем письме он пишет: «Сегодня плохая охота». То есть они уже втянулись в войну, уже били. А погиб он просто, уже под Ржевом. Уже наши воевали под Сталинградом, а Ржев — это был уже как отвлекающий маневр. Если бы мы не наступали туда, то немец бы снял свои силы и бросил бы на Сталинград, поэтому мы старались тут наступать, и наши потери тут были. Короче говоря, мы продвинулись вперед под Ржевом, но было всё заминировано, наехали на мину. Отец получил, видимо, сзади мина разорвалась, получил ранение. Друг подбежал. Кстати, он после войны приезжал к нам, вот этот товарищ его, всё рассказывал, как было. «Я, — говорит, — подбежал. А Иван говорит: “Ну, друг, я счастлив остался”». Легко ранило его. Но тогда пенициллин — это был дефицит. До Москвы всего 200 километров, а ехал он на санитарном поезде почему-то — сколько там? — восемь суток. Короче говоря, получили мы... А, мать пошла на почту, пришел вдруг перевод. Что за перевод? А от отца писем нет. Пришел перевод. Там, на переводе: «После вашего мужа — или чего-то там — остались деньги». Ну, какие-то копейки солдатские остались. Она всё поняла. И тут... Ну, в общем, с ней плохо стало. Ну, на работе потом... Там же научные сотрудники, короче говоря, они написали в госпиталь письмо: «Во-первых, как можно так обращаться с женами? Вы бы сообщили, что она... Что муж погиб, и так далее». И тогда они написали письмо. Он прибыл

уже в госпиталь в бессознательном состоянии. Долго везли. А каловый свищ, видимо, там связано с... Рана легкая, а от заражения крови... Ну, мое какое состояние? Я ходил как какой-то... Удар какой-то был, что ли, по голове. Я ходил как такой заторможенный. Да.

02:12:36

Возвращаясь уже к финалу к теме раскулаченных, скажите... Возвращаясь к теме раскулаченных, да, уже в финале разговора, скажите, для матери важно было получить вот эту реабилитацию, справку, бумажку, чтобы как-то совсем эта ситуация была закрыта и поставлена точка?

Эта реабилитация для нее — это пустяк, потому что она жизнь прожила уже. Ее на работе понимали, сочувствовали, там добрые люди были. Во-первых, интеллигентные были, всякие были. Там сочувствовали. Она как работник была ценной, ее ценили там. То, что муж погиб, они знали. Ее награждали, у нее сколько медалей. Дальше. Квартиру. Значит, мы в бараке жили. Отец когда ушел, он печку-то сам топил, нам тепло было, уютно, хорошо в бараке жили. Он построил загородку, мне полати там построил, я на полатах жил, там у меня игрушки были. Мы хорошо в бараке жили. Там у нас собиралась родня и так далее. Война началась, все стали печки, мужья-то ушли, мужики-то, печки натопят, вьюшку закроют, чтобы тепло было, — угорели, умерли. Вот такая штука. И мы, значит, хоп — надо дров возить. Дров нет. Я возил дров[а] откуда-то на санках зимой. Это был большой труд, мерзли, холодно. Топить боялись: натопишь — опять угоришь, и так далее, пока мы не научились. В соседнем доме освободилась комната на втором этаже. Мама заняла ее. Семья погибшего. Правком утвердил. Там не было препятствий. Появилась комната. Она даже не дожидаясь решения правкома заняла. Тут нужна была вот такая пробойность, смелость. Что-то, а она была вот... Выжили мы, не умерли.

02:15:31

Мы, наверное, по времени немножко еще можем себе позволить, еще чуть-чуть успеваем рассказать историю про дядю, да? Это родной дядя, который был репрессирован, и он по 58-й статье...

Расстрелян.

02:15:42

Да, и он был расстрелян. Можете коротко рассказать?

Да-да-да. Когда раскулачивали, он ушел от семьи, ушел в Далматово. Ему было где-то 20 лет. Он ушел. И он как бы не считался раскулаченным. Он ушел из семьи. А семью раскулачили и так далее. Он не сбегал. А потом, когда мать пришла, Александр навещался к ней. Жили. Они опять хорошо жили, они завели теленка на мясо и осенью их кололи. А с нее вдруг взяли налог за корову, а коровы у них не было, а был теленок. Неправильно. Александр пришел — и в совет, и доказывает. Те ни в какую. Он пошел к прокурору. Прокурор дал визу о неправильном [налоге], и он пришел с этой визой. И вроде с ними поспорил, вроде «я не таких видал, что вы тут устраиваете с моей матерью?» Они там стукнули, что вот этот Александр, он раскулаченный, пришел нас убивать. Или что-то такое. Всё. Враг народа. Вся песня. Как врага народа арестовали на 10 лет. Как они железную дорогу строили, как они... Ну, в общем, строили железную дорогу вот здесь. Он отсидел 7 лет. Дальше. В 1943 году, я помню, мы жили уже в шестухе, мама комнату захватила. Мы тут хорошо жили, внизу была кухня, тут готовили все. Печку общую. Вдруг открывается дверь и появляется вот такой мужчина, я таких не видел. То есть он весь высохший, черный, он еле стоит. Это Александр был. Его освободили через 7 лет в 1943-м. Мама сразу: «Ой!» Александр. Ну, всё. Ну, думаю: выживет ли совсем? Потом где-то через месяц мы получаем письмо: Александр на фронте. А получилось так. Он пришел и тут... Ну, сразу у него семья была и так далее, но он мимо семьи прошел, потому что марать семью этим врагом народа — это бы потом запинали эту семью. Он мимо семьи пришел к матери и там, видимо, за месяц как-то отъелся. А в это время милиционер пришел: «Ты почё не отмечаешься? Гляди! А то упекем, отколь пришел». В общем, вот. Так вот было. Он понял: тут добыт. Там в лагере не добились, тут добыт. Он пошел проситься на фронт, и врач, добрый врач, как-то фамилию забыл: «Негоден ты, негоден». Сразу даже до комиссии его — негоден. Он ушел опять. Значит, нет, тут жизни не будет, а потом им надо доказать, кто мы такие. Опять пошел проситься. Взяли. Тот говорит: «Да, надо тебе, надо на фронт». Понял, всё понял. Ну, люди понимали. Он в каком состоянии: на платформу не мог залезть сам, когда уже отправляли их на переподготовку. Короче говоря, как-то потом, видимо, отъелся. Где ты подойдешь? Санитаром. Провоевал. Письма были. Воюет. Уже бодрые письма. В 1945 году, Зееловские высоты, это была крепость под Берлином, она была не... Ну, короче говоря, ее невозможно было взять. Жуков был. Сталин требовал срочного взятия крепости. Мы не понимали Сталина: чего он торопится? Там были какие-то ялтинские соглашения и так далее. Чего он торопится? А Сталин? Ему плюс. Вот опять. Кто такой Сталин? А он знал, что это

такое. То ли разведка, то ли что. Черчилль уже готовил против нас войну. Он хотел... Он сосредотачивал пленных немцев где-то там в Дании или где-то, их потом вооружили, и они бы направили бы на нас. Черчилль был инициатор войны. И был Рузвельт. Рузвельт — положительная личность. Черчилль... Англия всегда была такая вот стерва. Она и сейчас стерва. Кто взорвал газопровод? Да. Ну вот. Короче говоря, Сталин знал, что Черчилль готовит, поэтому Сталин торопил Жукова. И мы кла... Как? Как взять эту неприступную крепость? Без нее не взять Берлин. У нас был опыт штрафных рот. Как штрафники побеждали? А вот Андрей как победил? Взял высоты, роту бросили на огонь, пока расстреливали, 10 человек прорвались, Андрей прорвался. И тут уже врукопашную они этих пулеметчиков всех порезали финками всяко. Тут был Андрей. А тут вот Александр. Как взять? А вот так вот. Взяла эту неприступную крепость. И это опыт только наш вот этих штрафных рот, это наш опыт. Никто не знает об этом. Это вот Андрей всё рассказал. Это был наш опыт штрафных рот. Когда массу бросают, их убивают, но они идут, 10 человек осталось — они задушат этого врага. Вот так же взяли вот эту [крепость]. Хотя были танки, самолеты, там невозможно: против танков там рвы были, против самолетов так. Только пехота, пехота взяла. Александр был в этой пехоте. Взяли.

02:23:56

А вам кажется, это оправданная цена?

А?

02:24:01

Вам кажется оправданной эта цена?

То, что он в данном случае бросил... Я тут в первом издании пишу, что, в общем, что... Я там ругаю Сталина. Да. А потом я узнал, уже печать-то раскрыли: там уже они готовили войну против нас. Мерили атомную бомбу бросить. Что Сталин?

02:24:33

Я скорее про отношение к своим людям, когда надо было десятки тысяч губить для того, чтоб что-то сделать.

Да. Здесь выхода не было. Вот здесь у Жукова выхода не было. Приказ был Сталина: в два дня. И он выполнил приказ. Взяли в два дня эту крепость.

02:24:51

Ладно. Мы с вами совсем в политику уже сейчас унесемся. Давайте последний вопрос. Из вашей семьи, по материнской линии, по отцовской, как много вообще людей пострадало от репрессий?

Ну, во-первых, мы как-то Сталина отделяли от всего этого. Да, это рука его. Но другое, другое... А что же, быть врагом России? Если всех ругать и так далее. Врагом России, что ли? Нет. У нас основа — это Россия. Мать. Вот как мать. Да. Мы такое бы не... Мы осуждаем это. Мы не только осуждаем. Это преступление было, то, что расстрелы, 1937 год. Это преступление Сталина. Да. На том свете, да, он за это в аду, наверное. День в аду, а день в раю.

02:26:05

Если прямо сказать количество, сколько из вашей семьи пострадало людей от репрессий?

От репрессий пострадали...

02:26:12

Ну вот сюда же мы и раскулаченных, и всех-всех возьмем.

Значит, из-за репрессий пострадали у нас все. У нас все репрессированы. Но все погибли, мужики все погибли. Гришка погиб, пацан, он в колонии был, 17 лет стало — он сразу пошел в военкомат. Погиб. Чего заставило идти воевать? Ну, понятно, не за Сталина. Опять за мать, за родину. Но Сталин-то, ведь он фактически против немцев воевал. Выходит, и за Сталина, но не за Сталина как личность, не за Сталина. Его поступки, сталинские — это преступления, эти расстрелы и так далее, ссылки вот эти. Даже колхозы вот эти. Был выход какой-то другой, вот был выход. Не колхозы надо было, а управлять, а налогами надо управлять. Как китайцы? Пожалуйста. У них капитализм и социализм. Да. Ума не хватило у него. А вот эта жестокость... Всё. Драка. Да.

02:27:37

А вот вы начали перечислять: Гришка пострадал — а дальше, следующего? Можем прямо перечислить, из семьи кто пострадал?

Значит, Гришка из семьи, Александр враг народа. Гришка под Ленинградом. Андрей под Сталинградом, ранило его уже на границе. Три мужика пострадали. Дальше. Дяди. Дядя Митя пострадал, он муж тети Шуры. Ну это добрейший был мужик. Раскулаченный. Да. Никто не косил от фронта. Они бы могли укосить там. Шли на фронт. Призывали, шли, воевали. Никто в плен не попал. А если бы попали в плен там, то власовцами бы не стали. Дальше. Федюнька, племянник отца, сын сестры, погиб. Погиб тоже в первые дни. Семья была раскулаченная. Да. Дальше. У Кочевых. У Кочевых, соседей наших, родственников, двоюродный брат Василия там был. Их не раскулачили. Они сами, остались когда без отца, тот умер по какой-то причине, дед Василий им помогал, хозяйством занимался. В общем, деревенская дружба там была. Потом городе здесь мы их нашли. Бабушка нам рассказала всё про это раскулачивание. Она со стороны смотрела, говорит, на всех руках, пальцах, у этих коммунистов, которые раскулачивали, лже-коммунистов, они не коммунисты были, раскулачивали, вот такая мразь была. Они... Там у нее два сына. Они не были раскулачены. Они погибли, под Сталинградом один был, и второй, он погиб уже на границе.

02:30:31

А вот самый последний вопрос — по поводу книжки, так как мы к ней все время обращаемся. Что это за книжка, для зрителей можете коротко сказать? И почему для вас было важно написать то, что вы сделали? Чему она посвящена? Прямо очень-очень коротко, если получится.

У меня... Эти оскорбления этих недалеких людей, как я рассказывал, что кулак. Я зла не помнил, но на душе это такая мерзость у меня, и она до конца была. Сейчас я только, я написал, я освободился от этого. У меня было возмущение. И правительство-то. Ведь кулака-то они презирали, где-то тебя нашли. Меня в училище. Я там и спортивный успех имел, я чемпион армии по офицерскому многоборью потом был, я спортивный успех имел. Сразу же... Я спортом занимался и раньше. Сразу же там разряд спортивный по гимнастике имел. Меня выбрали комсоргом. Они не знали, что там у меня враг народа и так далее. Раскопали. Я же когда поступал, думаю: все погибли, о чем разговор то? И мне скажи «Иди на амбразуру» — пойду. Да. Как мы были? Чапаевцы были, несмотря на всё это. Вот это отдельно были, отдельно было, вот так вот. Ко мне это не прививалось, мне это ненависть, что ли, к советской власти? Или переделать ее как-то? Нет. Потом на втором курсе ко мне подходит такая серая личность. Они все серые, вот эти вот, незаметные. И ведет себя как тень, как будто его нету. КГБ. КГБ. Останавливается, мягким голосом со мной: «Это из КГБ». Отдел там. «Кочев, да? Курсант?» — «Курсант Кочев» [нрзб] Так, всё, нормально. «Твой дядя — враг народа». Я [говорю]: «Да он погиб под Берлином!» — «Мы знаем об этом». Они знают об этом. И вот мне: «Ладно». Маму здесь вызывают в особый отдел, Ленина, 17, или куда-то. Начинают пытаться словами ласковыми: «Как вы сына воспитали? Не против советской власти?» Ну конечно, он же офицером вот-вот станет. Она там в слезы. Вот такая вот мразь. Да.

02:34:06

Мы хотели подвести к книжке, да? И что это всё накопившееся вы хотели...

Хорошо. Мама приходит домой, доказывать стала: да ни при чем, да вроде он и не знал, вроде не знал. Я, конечно, знал. Погиб. Да. И сидел. И у Андрея была книжка. Талант был. Он, во-первых, много читал, удивительно, образование, видимо, в колонии он получил, ну и, может, семь классов, не знаю, дай бог. Писал. Писал всё, что он как думал, что прошел. Причем он много жил у нас. Мы его так любили. Он приезжал к нам. Причем он ходил в военной форме. Я старался, это для меня награда была, он один живой пришел. Книжку эту он, смотрю — раз — что-то подпишет и так далее. И книгу оставлял у нас, то ли он чувствовал, то ли что, он ее оставлял. Вот такая вот книга, тетрадь, 76 листов. Разборчивым [почерком]. Он писал о[б]о всем пройденном пути, и о лагере, и о своем мнении и так далее, и о политике. Всё писал тут. И вот эту книгу, книжку-то, я ее читал. Да. А мать когда пришла, она поняла, что это книжка, попади в руки... Ну конечно, могли и обыск... Там еще память была, и воронки черные, и внезапные обыски и так далее. Это была еще память. Конечно, уже другое время было. Короче говоря, от греха подальше сожгла ее. А вот в памяти у меня осталось всё. Да, всё в памяти осталось. Андрей как-то знал всё наперед. И причем он знал, что Александр погиб, хотя тот еще... Он действительно погиб. Он вот эту трагедию под Сталинградом, под Зееловскими высотами, он тоже чувствовал. Но тем не менее осуждения у него потерь наших — он знал, что потери — не было. Он представлял всю ситуацию безвыходную. О Сталине. Да. То, что...

02:38:10

Мне кажется, мы так уже много про Сталина сказали. Я хотела бы услышать от вас,

что вот его рукописи для вас были важны и вы эту информацию тоже в книжку включили, переработали. Ну если это так. Я так же понимаю?

Да.

02:38:25

Вот прям эту мысль можно сказать?

Ну как... Вот это вот, то, что Андрей писал, это было то, что он видел и чувствовал. И вот это мне раскрыло глаза. И я понял. Он просто писал, как что было. Безусловно. А вот такого осуждения у него... Он просто... Типа ругать правительство, Сталина, он этим не занимался, потому что это, во-первых, глупо, низко. Во-первых, он понимал больше. Это уже если и ругать это, то это сведется к такому, ругани. Возьмем историю. Она ведь не ругает, она никого не ругает. Она и Ивана Грозного не ругает. Нет. Это история. Это принято как данность. Да, это сердце не принимает, это нехорошо. Но это такая данность. Допустим, если бы я был на этом месте, я бы сделал не так, допустим. Его рукописи, и его жизнь, она меня сделала обязанным. И не только его, а жизнь и отца, и Александра, вот эта несправедливость, это горе и их героизм — вот что я хотел. Не то что мстить или еще что-то, а их героизм. Вот это меня заставило писать. И ведь у Андрея-то не было злости. А он был герой фактически. Вот меня что повернуло, меня изменило. Если бы я был так же, как пацаны, мстить, драться... Нет. Он выше стоял. И меня... И его рукопись, да, конечно, идеи его. Главное-то вот, какая-то, она даже не ошутимая, передалась. Да. И не только, понятно, рукопись, и кроме того, и его рассказы были очень интересные. Потом, его поступки были... Ну, интересная, у него биография интереснейшая была, это мой бог был. Отец, отец, конечно, это был, да, это отец был. А этот — это как... Это идеал, бог был. Я в училище-то из-за него поступил. Мне надо было доказать, что мы, раскулаченные, мы правы, а не те, которые грабили. Мне надо было доказать, потому что я под черной меткой этой прожил. Это тяжкое дело, то ли враг народа, то ли ты раскулаченный. К раскулаченным относились презрительно. Это если ты враг народа, ты там еще, ну, ты как-то вот еще... А вот раскулаченный — это такое презрение было. И вот находились эти никчемные люди, они тебя тыкали, если он узнает, вот это всё. Потом у меня же другие мысли были. Я же ведь проанализировал и Сталина, всё проанализировал. И злость тут не главное, главное было понять. И я понял. Весь XX век, я его понял. Буквально я его понял. Я с этой черной меткой кулака, хотя я прожил жизнь, находились такие низкие люди, которые искали повод и ущемить тебя. Я чувствовал вот эту вот несправедливость. Это на моей душе лежало. И я написал всё это, выразив — я вот чувствую — чувства тех убитых. Чувства Андрея. Я всё выразил в этой книге, как они думали, как я думаю, я всё это в этой книге... Мне после этой книги стало легко жить. Я после этой книги стал стихи писать. У меня издана книга стихов, 700 страниц. Мы писали ее с женой, она проверяла. Она, собственно, эрудированная. Она врач, но хотела стать историком. Историком не стала, потому что ей это не нравилось, писать грязь вот эту вот. Старую историю она признавала, а вот новую — нет. В этой книге я выразил себя и всех. И защитил их. Это моя обязанность была — защитить этих всех и погибших на фронте, и обиженных, раскулаченных, и те, которые сидели, безвинно арестованные, вот этих вот. Я их защитил, я много посвятил этим безвинно заключенным и расстрелянным. Но зла при этом я не имею. Я верю, по моему духу, в марксизм и в Бога. Две противоположности. А я вот так: и марксист я, и в Бога верю. Причем искренне в Бога стал верить. Было несколько вот таких вот эпизодов, которые меня заставили поверить в Бога.